

Неугасающая надежда

Вячеслав Лебединский

Вячеслав Лебединский

Неугасающая надежда

«Автор»

2026

Лебединский В.

Неугасающая надежда / В. Лебединский — «Автор», 2026

Есть люди, которые даже в самых плачевных и жестоких ситуациях не теряют моральный облик человека и не опускают руки в надежде на лучший исход; и есть простой парнишка Вадим – стремительные трудности, несвойственные его возрасту, помогут ему возмужать и осознать ценность жизни.

Неугасающая надежда

...Месяцем ранее...

Вадима с завидной настырностью преследовали, шипя сквозь зубы и вопя, догоняя. Выбившись из сил, словно бы пробежав целый марафон, на издыхании забегая в свой подъезд, он понял: это не были люди. Нет, это было что-то одичавшее и отчаянно желающее прикончить его.

– Только бы добежать! – воскликнул он, взбегая по лестнице.

Парень едва успел дрожащей рукой открыть дверь квартиры и, плотно закрыв за собой дверь, спастись.

Его проняла ледяная дрожь ужаса: в дом, с глухими ударами в дверь и с неистовыми воями как на бойне, пытались пробиться.

1. Выжившие.

...Наши дни...

Хоть на пасмурном дворе Красноярска и начала зарождаться весна, а без отопления, как ни крути, хоть волком вой. Но к этому семья Дюжинных уж давно привыкла, как и к жизни в укорот. Когда началась стремительно развивающаяся эпидемия Бешенства наиболее разумные на голову люди не спешили убраться из квартир подальше за город, к дачам, в другие города, а то и за границу, только бы попытаться скрыться от опасности. Нет, наиболее правильным поступком было переждать дома и не выходить из него, потому как многих людей настигали врасплох обезумевшие заражённые, обращая тех в свои свирепые орды.

Первое время в квартире брежневки, на втором этаже, оставалось электричеством и можно было отслеживать ужасающие перемены в Сибири. Всё началось с одного человека, который заразил свою семью мутировавшим бешенством посредством укуса, а дальше же эта скверна передалась остальным по нарастающей. Возбуждённые телеведущие, такие же люди, как и мы, хоть и не подавали взволнованного вида, но получалось у них это плохо. Их выдавали глаза, в которых можно было прочесть сомнение за сохранность своих жизней в ближайшее будущее. Они без умолку предупреждали оставшихся граждан об опасности дневных вылазок, а когда электрическое питание исчезло, Ксении Дюжиной пришлось прибегнуть к старенькому радио. Благо её почтенный дед был связистом и припас достаточно батареек. Но она так и не знала, что послужило точкой невозвращения из-за того, что уловить через приёмник отголосок выживших людей ей не удавалось.

У Ксении Дюжиной, часто тайком выглядывающей из-за занавески на дождливую улицу и хмурое небо, есть шестнадцатилетний сын Вадим, который накрепко запомнил самое важнейшее правило в доме: не шуметь. Они разговаривали лишь шёпотом, потому как пре-

красно знали, заражённые, именуемые бешеными, вполне в силах как попробовать взять силой дверь их подъезда, так и залезть в квартиру через окна.

И вправду, что стоит безумцу, которого распирает от яростной силы и беспричинного гнева, который не мыслит, что творит, расколоть хиленькие окна и забраться к ним? Ксения подобное уже видела в противоположном доме, и после истошных криков на всю округу оттуда более не было ничего слышно.

Дюжины не делали из еды культ, да и при всём желании не могли. Они экономили запасы и надеялись, что к ним подоспеет хоть какая-нибудь помощь. Но проходили дни, недели, а надежда на спасение всё более улетучивалась и всё чаще по ночам слышались гортанные недовольные вскрикивания бешеных, обуреваемых нестерпимым голодом.

Ксения мало что знала о заражённых, но одно она понимала точно: она, если потребуется, пожертвует жизнью ради сына, только бы он выжил. Также она запомнила, что большинство заражённых хоть и крайне агрессивны, но словно бы отчего-то отстали в своём развитии. Если перед ними дверь с щеколдой, они будут в неё биться всеми членами и даже лбом, пытаясь проломить, а не по-человечески открыть. Будь перед ними открыта канализационный люк, они непременно по прямой траектории не обойдут его, а упадут и полетят в тартарары.

«Да, – понимала она, чувствуя обволакивающую мусть в голове и то, как крутит живот, – с едой беда. Такими темпами мы недолго протянем».

Стоя на кухне она взяла последний припасённый пакетик с гречкой и вздохнула:

– А жить-то хочется, чёрт побери.

Она дождалась, когда сын заснёт, накрыла его одеялом и халатами, а сама рискнула попробовать выйти из квартиры. Ксения прекрасно понимала, что голод не тётка, что хоть завтра и есть чем подкрепиться, но на послезавтра уже ничего не останется, и начнётся отсчёт не в их пользу.

Женщина как можно тише провернула в замочной скважине ключом, чуть приоткрыла дверь и прислушалась. Отдалённо была различима какая-то возня этажами ниже, словно бы что-то шаркая тащили по ступеням. Её проняло предчувствие нехорошего и озноб, но она пересилила себя и впервые за несколько недель осмелилась переступить порог дома.

Дойдя до лифта, а затем чуть дальше, она дошла до лестничного пролёта. Схватившись за поручни дрожащими руками, она посмотрела вниз и увидела около трёх... Людей ли?.. Которые перемещались покачиваниями, словно бы борясь за контроль над телом. К счастью, эти люди, если они хоть в чём-то всё ещё были людьми, не поднимались, а спускались.

– А-А-В-У-У-А-А-Р-Р-Р!!! – гортанно огрызнулся кто-то.

От этого переполненного нестерпимой скорби и боли воя, многократно отразившегося от стен с поразительной мощностью, при всём своём самообладании Ксения моментально похолодела и чуть сама не закричала. Её ладони и спина моментально покрылись липковатой испариной, и она, устранившись свирепых существ, быстрым шагом дошла до противоположной приоткрытой двери.

Недолго думая, она юркнула в неё.

В этой квартире было так темно и тихо, что женщина дважды подумала: а не совершила ли она ошибку, ступив сюда? Но она припомнила, что с собой захватила незаменимый фонарик. Щёлкнув им, прорезала тьму мертвенно-бледной округлой линией.

Она освящала себе путь, ступала тихой поступью по предательски скрипучим половицам, перешагивала кучи поваленного тряпья, разорванных книг и пластиковых сумок с мыслью: какая участь постигла хозяев? Ей желалось тщательно проверить комнаты на наличие чего-нибудь полезного и, что более желательно, съестного. Тихой поступью вошла в зал, где была валялась разломанная дспэшная мебель, прошла к окну и увидела, что на балконе уж давно догорел костёр, свидетель человеческой скорби. Побывав на кухне, открыв и проверив все шкафчики с холодильником, её постигли неудача и разочарование, два спутника гнетущего настроения.

Но некий шорох заставил её задержаться и не покинуть эту запущенную обитель. Она до конца прошла по Г-образному коридору и добрела до спальни. Освятив себе комнату, увидела забившийся в угол труп девушки с заострившимися чертами лица. Ей стало понятно, что она недоедала и, видимо, от этого и померла. Сама мысль о том, что её и сына может постигнуть та же участь, омрачила её и свела на нет уверенность в собственных силах.

Ксения слышала неумолкаемый вой на улице, понимала плачевную ситуацию, и, бессильно упав на колени, стала тяжело дышать, не насыщаясь отяжелевшим воздухом.

Она утёрла крупницы слёз под глазами и заметила, что у исхудавшего трупа не хватало целого куска плоти на предплечье. Место зверской раны покрылось фиолетовым наростом, и теперь-то до неё дошла причина шороха, заставив взять себя в руки и резко встать.

Но что-то неведомо-могучее опрокинуло её, придавив к полу. Кто-то на её спине, удерживая и пытая, пускал на её щёку тёплую слюну. Женщина завопила что есть сил, и эта безысходность и чувство близящегося конца словно бы окрылили её, добавив сил. Она резко оттолкнулась от пола и кое-как резкими движениями локтей скинула с себя неприятеля.

Взволнованная Ксения, утерев щёку, оглянулась.

Перед ней предстала знакомая соседка Люда, некогда бойкая девица с гордым нравом, а ныне шипящее сквозь зубы существо с молочно-бледной кожей, на устах и шее которой запеклась корка тёмной крови.

Луч фонарика вновь скользнул по её лицу, и она ясно рассмотрела у неё аномально-жёлтых блеск глаз и непосильную ненависть, которая готова были выплеснуться в жестокое действие.

В своё время Ксения порядочно насмотрелась глупых фильмов ужасов, парочка из которых прошибали её на нестерпимый страх перед древним злом, чей лик сменялся и эволюционировал. Но та гнетущая реальность и подступающее отчаяние, что она испытывала сейчас, впервые встретившись с бешеной, ни шло ни в какой сравнение с мрачными творениями кинематографа.

Люда, в отличие от виденных Ксенией заражённых, двигалась на удивление проворно, и потому смогла настигнуть замешкавшуюся в прихожей женщину, хищно и цепко повалив её на пол. Хотя Ксения и отчаянно пыталась вырваться и обладала достаточной силой, но она была бессильна перед яростью существа, которое, взяв её за волосы, ударило лицом об пол.

Ксения кое-как перевернулась, жадно хватая воздух, зажала горло существа, не давая ей укусить себя. Люда вцепилась мёртвой хваткой в её волосы, с корнем вырвала клочок, а затем принялась рвать сиреневое платье, желая хоть как-то добраться до тёплой плоти и наконец-то утолить нестерпимый голод, подначивающий её бешенство.

– М-М-А-А-Р-Р-Ы-А!!! – неистово взвыло существо.

Теряя силы от бесполезного сопротивления она понимала, что смерть так близко, как никогда. Ксения пыталась вырваться, вопя, то и дело кулаками попадая существу по голове, но то было неумолимо.

Когда она стала выбиваться из сил, когда существо обхватило её руки своими двумя и уже было приблизилось для укуса, Ксения услышала чавкающий звук и вздрогнула: её глаза застила тёмная липко-тёплая пелена.

Послышалась возня. Кто-то кого-то бил и кряхтел, зло ругаясь и с силой выдыхая.

Она более не чувствовала извивающееся существо на себе, но ощутила, что на неё повалилось что-то тяжёлой, более не шевелясь.

– Мама! – воскликнул Вадим, утирая её глаза с милого и близкого сердцу лица родного человека. – Нельзя же быть такой неосторожной!

– О Господи, – только и промолвила она, оттолкнув от себя безвольное существо. – Что произошло?

И теперь-то, утерев кровь с глаз она увидела, что голова бешеной Люды пробита, что в ней образовалось вмятина, или, точнее, достаточное кровоточащее углубление, чтобы то стало с жизнью. Ксения, раскрыв рот, увидела, что её отвернувшегося сына, в лице которого всю жизнь читалась некий отпечаток грусти, колотит приступом неких сильных эмоций.

Она встала, дотронулась до его плеча и прошептала:

– Ничего, ничего, всё позади.

– Ничего не позади! – вскрикнул он, заглянув в её дымчатые глаза и на желтовато-бледную косу, с которой она принялась счищать запёкшуюся кровь. – Я убийца... Мне пришлось её...

– Нет, это кто угодно, но только не человек. Сынуля, ты спас меня, ты...

Резко обернувшись, подняв фонарик, он увидел мраморно-бледный цвет кожи существа и её остекленевшие глаза, в которых застыло неистовство. А когда его взгляд опустился на хищ-

ный расширившийся рот, он вздрогнул и почувствовал в себе живительную перемену, словно бы в нём усилилась некая сила, которую он приобрёл в бою.

– Очуметь, – промолвил он. – Это и вправду не человек. Посмотри, у неё длинные ногти и зубы, словно бы удлинившиеся... Теперь мы всяко должны держаться вместе.

– Теперь только так и будет.

Мать и сын вернулись обратно в квартиру, плотно закрыв за собой дверь. Этот день напрочь изменил их мышление о заражённых: теперь они, близко встретившись со смертельной опасностью, по-настоящему стали держаться за свои жизни и оберегать друг друга.

Прошлую ночь никто из них не был в силах сомкнуть глаз, даже несмотря на обволакивающую усталость после пережитого. Новым днём, когда на улице бледнело солнце, кое-как освящая двор и более настороженных заражённых, Вадим набрался храбрости и, послушавшись мать, спустился на первый этаж.

Он быстрым движением захлопнул тугую дверь подъезда и с помощью доски и двух кирпичей забаррикадировал вход. Доска была непростой, из листвяка, вдобавок юноша после этого более прочно укрепил конструкцию так, что подпёр доску во входную ручку и начало лестницы. Даже при невероятном искушении бешеные были бессильны пробиться внутрь, чем, впрочем, занимались из часа в час.

Семья Дюжиных привыкла к беспокойному шуму и зверскому гаму, – для них это стало как пение птиц, также монотонно, даже привычно, правда, они всё же соблюдали осторожность и более не позволяли себе роскошь пыла эмоций.

На следующий день, когда есть было совершенно нечего, Вадим, обыскав весь родной подъезд с монтировкой в руке, ухитрился сломать замок на крыше. Это потребовало от него изрядной сноровки и пришлось достаточно пошуметь и разозлить бешеных, и тем не менее что-то ему подсказывало, что он хоть и будет отруган, но оно того стоило.

Перед тем, как попасть в другой подъезд через крышу, он осмотрелся.

В это дневное время небосвод покрывали рваные, как бы грязные облака. По крыше таранил слепой дождь и сверху как на ладони виднелся упадок округи. Дворик центрального района был совсем непрезентабельным и отталкивающим; бесследно исчезли возгласы весёлых ребятишек, сердечные вздохи и томления хохочущих самозабвенных влюблённых, причитания старушек и разговоров простых обывателей; всё вместе с ними исчезло, и вполне возможно, некоторые из них попросту перевоплотились в нечто весьма враждебное.

У подъезда громоздились некогда припаркованные машины, одна из которых, буханка, отчего-то завалилась на бок, а рядом с ней теснилась величавая нетронутая иномарка. Чуть поодаль от них ширился минивэн с раскрытыми дверями, сожжённый дотла. Большинство остальных разномастных машин были вскрыты, двери настежь открыты, и в них темнели проёмы выбитых стекол

Навострив зрение, Вадим разглядел орды заражённых, бесцельно бродящих, друг на друга натыкающихся и то и дело недовольно ворчащих. Вадим надеялся увидеть у противоположного дома ленинградки хоть какое-нибудь шевеление как признак жизни разумного и безобидного существа, но он разглядел в дальних окнах лишь колышущиеся на ветру, будто бы прозрачные, белоснежные занавески. И более ничего.

Вздыхнув, опомнившись и только сейчас сообразив, что он стоит на самом краю крыши десятого этажа, он вздрогнул от своей безмятежности и по шажочку отошёл назад, переведя дыхание.

Юноша с помощью подручного инструмента смог прибегнуть к силе молодости и справиться с замком другого подъезда и попасть в него, настороженно спускаясь.

В одной из взломанных квартир, к проникновению в которую он не был причастен, ему удалось отыскать под кроватью спальни три сырых и достаточно крупных картофеля.

Уголки его рта невольно приподнялись, сам он возгордился, радуясь, что ему удастся увидеть счастливый огонёк в глазах матери, что она больше не будет морщиться от холодной боли в животе; она пыталась её скрывать, и сам он также стал с недавних пор ощущать нечто похожее.

Но затем, чем больше ступеней он оставлял позади, тем отчётливее слышался мужской недовольный голос. Где-то внизу, думал он, что-то стряслось.

– ПРОКЛЯТАЯ! Как ты могла всё съесть?!

Вадим невольно опешил от истерично-визгливого голоса, при том принадлежащему, как ему казалось, излишне нервозному мужчине. Он спустился ещё на один пролёт и услышал по левую руку у приоткрытой двери шум, словно бы разбилось что-то стеклянное, а затем что-то деревянное повалилось на пол.

– Сволочная ОБЪЕДАЛА!

В нутре юноши вспыхнул гнев. Ему подумалось, что ни один человек не смеет так разговаривать с другим, и это дало ему сил осмелиться резко ворваться в приоткрытую дверь чужой квартиры и стремительным шагом пересечь комнаты, дойдя до источника погрома.

Войдя в просторный зал, мебель которого была небрежно раскидана, а дорогие сервизы разбиты то ли от досады на жестокость жизни, то ли из-за простой ненадобности, Вадим увидел на полу девочку, прижившуюся к стене и защищающую лицо. Над ней высился человек в майке, чьи кисти и могучая спина содрогались. В его правой руке был крепко зажат толстый обуглившийся шнур, с которого по капле капала кровь на ковёр.

Вадима пробрала дрожь от вида этой картины. Какой-то потаённый позыв загудел в его голове, когда он увидел, что девочка с косичками посмотрела на него со скорбной мольбой.

Юноша быстро подумал и понял по ушибам девочки на лице, что эта ситуация разыгрывается уже не в первый раз и она достаточно натерпелась и уже готова была окончательно отчаяться.

Его заколотила непосильная злоба. Он, сжав зубы, осмелился пойти на человека гораздо более могучего сложения, нежели он сам.

Быстрым шагом миновав разделяющее их пространство, Вадим с резким усилием сделал подсечку, после чего мужчина не удержался и пал навзничь. Послышался приличный грохот и грязная брань. Немедля, зная, что взвинченный человек способен на опрометчивый поступок, он обрушил на его колено монтировку с умыслом замедлить мужчину.

Пока тот истошно орал на него, шипя через зубы и держась за ногу, он подбежав к девочке, протянул ей руку и воскликнул:

– Бежим со мной!

Она, закусив губу, замерла. Хотела было что-то сказать, но, энергично кивнув и утерев слёзы, приняла его руку.

И они побежали.

Миновав неосвящённые комнаты, заскочив в подъезд, они скорым темпом поднялись на крышу. Юноша, зная, что за ними возможна погоня, как смог забаррикадировал за собой решётчатую дверь, подперев её кирпичами и валяющимся штырём.

Они опасливо озираясь, бежали и дальше, да так, что только пятки сверкали, добравшись до квартиры Дюжиных.

Да, этим вечером, когда в прихожей горела единственная свеча, появление чужой девочки для Ксении было сродни чему-то крайне неожиданному, равносильному снегу на голову. Её сын как мог всё объяснил за молчаливую девочку, живо описав произошедшее в той квартире. Женщина вначале за руку хотела увести её из дома, чему та не противилась, но чему был решительно против он. В конце концов они оба опомнились и осознали, что за их дверью ту поджидает верная смерть, а они оба не настолько бесчеловечны, чтобы это позволить.

Поднеся свечу к лицу девочки, Ксенией не были не замечены следы побоев на чуть исхудалом лице таинственной незнакомки, и что-то укололо её чувственное сердце, заставив понять её положение и хотя бы попытаться получше разузнать, а там уж и решить, как с ней поступать.

– Ладно, – вздохнула она. – Как тебя зовут?

– Алёна... – пролепетала та, с мольбой смотря в глаза женщине.

– Тебя били?

Она кивнула.

– За что?

– Я была очень голодна, и съела лишний помидор...

– Всего лишь помидор? – спохватилась та. – Неудивительно, что ты вся бледная и словно бы клонишься ко сну. Но... что же с тобой делать?..

– Я послушная, и могу как-нибудь помогать вам. Я не объедала, просто была очень голодна и не смогла сдержаться.

– Алёна, меня зовут Вадим и я считаю, что ты всё сделала правильно. Кем тебе приходится тот мужчина?

– Он отчим мне.

– То, что я видел – безумие. И часто он бил тебя?

Она еле видно кивнула, буквально переступив через себя.

– Ну я ему устрою...

– Так, стоп-стоп, Вадим, – урезонила мать. – Где он находится?

– В другом подъезде.

– Хочешь сказать, что ты был в другом подъезде и наперекор мне вышел из нашего?

– Я уже не маленький и вполне могу...

– Молодой человек, заруби себе на носу: пока тебе не исполнится восемнадцать, ты будешь беспрекословно слушаться свою мать – это тебе ясно?

– Ну мам, мне же неловко. Не говори в таком духе при Алёне...

– Я не слышу, – наредила Ксения, пиля его властным взглядом.

– Хорошо, я понял, – нехотя буркнул он. – Но, видишь ли, я не с пустыми руками...

Вадим выявил на свет свечи три приличных картошины, отчего у каждого из них моментально потекли слюни при мысли об этом нежном овоще с неповторимым и незабываемым вкусом, понимая, что нестерпимый голод и холодная пустота в животе на некоторое время отступят и сжались над ними.

– Ох, – только и промолвила Ксения. – Да, ты добытчик и... прощён. Ладно. Садитесь за стол, я сварю картофеля.

Хозяйка дома ловко почистила картофель, затем с помощью газовой горелки начала подогревать воду. В это время Вадим и Алёна с голоду терзались ароматом яства, тайком и с интересом поглядывая друг на друга. После этого юноша кое-как опомнился, хлопнул себя по лбу и, взяв с пола радио, принялся над ним колдовать.

Девочке было непонятно, чего хотел добиться юноша от старенького устройства; Вадим же с настырностью крутил и регулировал настройки радио треть часа. К этому времени картошка уже сварилась и была подана, и обе дамы уже набивали рот, смакуя каждый кусок, тщательно и бережно пережёвывая долгожданную пищу, не желая с ней расставаться, оттягивая этот момент на крайний срок.

Вадим же, несмотря на первобытный голод, не торопился браться за еду, желал пробудить и услышать голос далёких людей.

И именно в этот день сошлись звёзды: юноша одержал верх над радио, и наконец-то шуму помех пришёл конец и послышалось человекоподобное хрипение и едва различимые слова.

Чутко настроившись на волну он лучезарно улыбнулся, взявшись за еду.

Долгое время изо дня в день он старался отыскать голос живой души в течение месяца, негодую, что сам не может выйти в эфир из-за до крайности простецкого радио. Все трое, вслушиваясь в басовитый и незнакомый спокойный голос, наострили уши:

– ... Повторяю, это не экстренное сообщение, но оно способно помочь вам. Наши люди и я никак не связаны с властью, которая забыла о нас. Мы, уцелевшие красноярцы, укрепились в школе по улице Горького девяносто семь. Среди нас нет бешеных, и сами мы без зла в сердце готовы принять выживших. У нас есть достаточно еды, оружия и имеются генераторы. Нас немного, но мы стойко держимся за жизнь и не унываем. Если вы слышите меня, то запомните: бешеные крайне не любят свет фонарей, направленный им в глаза... Моё имя Виктор Есаулов, и я повторяю, это не экстренное сообщение, но оно способно помочь вам. Наши люди и я никак не связаны с властью, которая забыла о нас...

– Но это же просто чудесно! – воскликнула Ксения, поперхнувшись. – Выжившие есть и они недалеко от нас!

– Да, мама, но на улице бродит уйма голодных заражённых. Им только предоставь шанс – тут же накинуться и живого места не оставят.

– Мы должны рискнуть, – отозвалась мать. – Этой ночью. Еды... больше нет.

– А может быть, – сказала Алёна, – как-нибудь отвлечь бешеных?

– И вправду, это может дать нам времени, – согласился Вадим. – Но неизвестно, что нас будет ждать вне этого двора. По моим прикидкам... до той школы пилить около двух километров, и на нашем пути может повстречать немало неприятелей.

Мать с жаром встала:

– Но мы должны рискнуть. Выбора нет. М-м-м... Помнишь, я прошлой зимой подарила тебе фейерверк?

– Да, я тогда ещё посчитал, что вырос с этого. Видимо, не зря приберёг.

Между тремя было решено отправлять в путь. Этой ночью Вадим с крыши первого подъезда щедро запалил всю имеющуюся пиротехнику и стал свидетелем искрящихся взрывов звёзд и безумства бешеных.

Воспользовавшись подходящим случаем, им удалось набраться смелости и выйти из подъезда в сумеречную ночь, полную неожиданностей.

Да, мы, люди, славимся тем, что умеем приспосабливаться под тяготы жизни и адаптироваться под новые условия, будь то даже зверская вспышка новой инфекции, вышедшая из под контроля, грозящая жестокой смертью. Люди умеют полагаться на приобретённую силу воли и не падать духом, стремясь во что бы то ни стало не терять надежду выжить и докопаться до истинной причины точки невозвращения.

Нет, что не говори, как не отчаивайся, а человек силен, и всё в его руках.

2

Место для всех найдётся.

Темно. В сыром воздухе повисло гнетущее молчание. Лихой свистящий ветер тревожил кроны деревьев. Прекрасно знаю всю опасность ночной вылазки, Вадим Дюжин часто озирался и пытался кого-то разглядеть в шорохах и еле слышной возне за поворотами домов, очень надеясь, что ему только показалось, что это его воображение шалит и преждевременно пугает.

Ксения Дюжина, не отставая от сына, была не меньше его настороже, частенько поглядывая на Алёну в сером, некогда белоснежном платье, которая старалась держаться ближе юноше, считая, что так надёжнее.

Где-то за углом торгово-экономического института Красноярска загремела, будоража и разрывая тишину, автоматная очередь. Но она стихла также внезапно, как и прозвучала, а после послышались крики и всё смолкло.

Тройня переглянулась, и Вадим, отряхнув фланелевую красно-синюю рубашку, еле слышно произнёс:

– Поторопимся.

– Но вдруг там нужна помощь? – спросила мать, переложив из кармана платья что-то блеснувшее.

– Это не наш бой, – ответил он. – Идёмте.

Обернувшись, Алёна увидела, что многие окна покинутого института были в трещинах и разбиты. Взглянув на громаду бизнес-центра, нависшего над городом, более чем способного скрыть сам остренький месяц, можно было заметить, как с крыши поднимались клубы серого дыма, уносимого ветром.

Об увиденном девочка спросила Дюжиных, на что те лишь ответили, что это, наверняка, как-то связано с бешеными и их жестокостью.

К счастью, ночь была на их стороне, так в тиши различимы лишь трели ночных птиц в близлежащем дворе, и более ничего. И они и сами не понимали, что так привыкли к вою бешеных, что даже не обращали на него внимание, нежели на птич.

Спускаясь по лестнице, по правую сторону которой и поныне остались нетронутые деревянные дома-старожилы, а по правую высилось непримечательное общежитие, где жил друг Вадима Митька, тот задумался: жив ли тот, или тоже обращён и озверел?

У него была мысль, или луч надежды и желание пойти и проверить свои догадки... но всё же голос разума затмил юношескую прыть.

Перейти дорогу было несложно, скорее неприятно, и каждого из троих угнетало то, что во всю асфальтную ширь застопорились машины, некоторые из которых претерпели аварии, а в иных были разбиты стёкла, на острых краешках которых запеклась кровь. Но, что странно, не было видно ни одного человека, ни живого, ни даже мёртвого.

Словно бы под их изменившееся настроение ещё более потемнело. Сумерки вступили в своё право омрачать; они сгустились, и в тиши ночи особенно ощущалась вся колкость опасности и того, что могло таиться в каждом закутке, за мусорными бочками, машинами и за скамейками.

И тут-то Вадим, озираясь и посматривая на дам, призадумался:

«Если сейчас нигде нет бешеных, то где они ночуют? И по одному они это делают, или же кучкуются?»

Через минуту на его вопрос нашёлся ответ, и он был неожиданным. Сейчас стояла и пыталась бороться с морозом зарождающаяся весна, и этой ночью было достаточно холодно, и у полыхавшей машины, спинами к ним, сгруппировались никто иные, как заражённые.

Их было около двадцати, они жались к друг другу и то и дело нервозно подёргивались. Сообразив что к чему, Вадим в последний момент успел закрыть рты Алёне и матери, которые до белого каления и дрожи испугались гортанных хрипов, будоражащих слух.

– Спокойно, – прошептал он, понимающе заглядывая им в остекленевшие глаза. – Аккуратно отходим.

Тихой и аккуратной поступью они ушли с этого места, дойдя до узкой заасфальтированной дорожки, рассекающей небольшой скверик с редкими кустарниками, только начавшими набирать силу и стриженными деревьями, над которыми, возможно, больше никогда не надругаются, и они смогут выситься и разрастаться без нещадной руки человека.

Они дошли до величавого четырёхэтажного здания, и, обойдя его, поняли, что оно своим строением свысока должно напоминать букву «Ш». В этом сооружении на последнем этаже местами зияли проёмы выбитых окон, словно оскалившихся, а на других, по-видимому более обжитых, так и вовсе были завалены чем-то громоздким и заколочены досками, на которых виднелись следы грубого вмешательства.

– Ну, – прошептал Вадим. – Попробуем через главный вход.

Стоило им только подняться по лестнице, как в их ноздри забилося зловонный смрад чего-то неприятного, и только Ксения знала, что так пахнет мертвечина.

– Что-то мне это совсем не нравится, – сказала она, озвучив мысли каждого.

– Кто это там шепчется? – прогудел старик за дверью, стуча чем-то стальным по полу. – Опять вы, шатуны? Явились за добавкой?

– Мы не бешеные. – отозвался Вадим, подойдя вплотную к чуть приоткрывшемуся проёму. – Нас трое, и мы слышали ваше вещание.

– Какое ещё вещание? Вы, что же получается, теперь ещё и говорить научились? Приспособились к человеческой речи?

– Спиридон, ну-ка отойди подобра-поздорову, а то огрею, – заворчал мужчина, открыв дверь. – Вас кусали?

– Нет, – в один голос отозвались трое, на всякий случай мельком оглядев друг друга.

– Скорее заходите, – пригласил мужчина, заправляя зелёную форму в камуфляжные штаны.

И они вошли, и сильнее засмердело, но то были побеждённые бешеные, которых уже оттаскивали на улицу двое молодых людей.

Как и в любой школе, здесь была обширная прихожая, где у столов с консервами столпились люди, одетые во что попало, на чуть исхудавших лицах которых виднелось недоедание, в глазах которых читалась некая обида и то, что они намучились своими безрадостными мыслями.

По левую сторону за решёткой притаились возрастные люди, скучившиеся над настольной картой, живо о чём-то спорящих, мимолётно оглядевших новеньких. На их плечи накинуты лямки портфелей, а в руках некоторых угрожающе зажаты автоматы и винтовки.

Вадим озадаченно покачал головой, кивая на людей, мол, впечатлён. Но стоило им, следуя за мужчиной, завернуть вправо, как перед ними предстал длинный коридор, где громоздилось множество раскладушек, а около подоконников и на скромных тумбочках разлеглись личные предметы; пузатые чайники, скромные но надёжные горелки, бледные свечи и книги с фотографиями, прикреплёнными к стенам.

Некоторые люди были тяжело ранены и перевязаны, привалившись к лежанкам, иные болезненно стонали и, как казалось Алёне, тщетно глотали последний воздух и насыщались последней и драгоценной пищей.

Пройдя мимо мужской и женской раздевалки, расположенных по правую руку, они вошли величавый спортзал с высоким потолком. Тут проявляли деятельность множество обеспокоенных и занятых людей, сидящих за столами и ноутбуками; кто-то подливал топлива в тарахтящие генераторы, некоторые мужчины в белых халатах за ширмами обступили лежанку, на которой бессознательно сопел бешеный, то и дело подёргиваясь. И, сказать по правде, в школе смешались разнообразнейшие запахи, как бывает в многолюдном общежитии, и дышалось там достаточно нелегко от спёртого утомительного воздуха.

– Ну, вот и пришли, – провозгласил черноволосый мужчина с бородкой. – Моё имя Виктор Есаулов, я подполковник и здесь за главного. А вы?

Каждый из троих представился, а Вадим добавил:

– Если бы не радио, мы бы вас не нашли.

– Далеко пришлось топать?

– Около двух километров, – отозвалась Ксения. – Но ночь и тишина были на нашей стороне.

Сын кивнул, а Виктор продолжил:

– В последнее время к нам никто не приходит. Нашим научным сотрудникам думается, словно у заражённых цель: покорить и завоевать мир, изменив его до неузнаваемости.

– А что думаете вы? – спросила Алёна.

– Я считаю, что время идёт против нас. С каждым днём я всё реже слышу других людей по радио, а по телевизору только изредка и трюндят, как у нас, в Сибири, всё плачевно. Власти хотят ввести сюда вооружённые силы, и я не знаю, во что это выльется.

– Но их помощь будет незаменима! – воскликнул юноша.

– Так-то так, да вот только объявился новый вид бешеного, почти неотличимый от человека, но такой же свирепый. Вон он, – мужчина указал за ширму. – Пока он жив, то выглядит как человек, но стоит ему погибнуть, как он принимает свой истинный и отвратительный облик заражённого. Уж не знаю, как им удаётся перевоплощаться, но это очень сбивает с толку.

– А как вы их отличаете? – спросила мать.

– Они не могут говорить. Совсем. Но они на удивление более лучше соображают, нежели изначальные бешеные. Могут кивать, улыбаться и жестикулировать. Но нельзя позволять себя обманываться. Теперь такие времена, когда нужно быть особенно бдительными.

К ним подошёл учёный в белом халате, то и дело поправляющий треснутые очки на кур-носом носе. Кашлянув в кулачок, он приманил внимание и с гордостью провозгласил:

– Мы знаем причину, почему люди заражаются.

– Да тут не надо далеко в лес ходить, всё дело в укусе, – подполковник хлопнул того по плечу, мол, не удивил.

– Не совсем. Смею доложить, что вся причина в слюне, проникающей в кровь, а оттуда в мозг, перестраивающей цепочку ДНК. В коре головного мозга происходят значительные химические перемены, оттесняя рациональное поведение некоторых участков главенствующего органа. Органы втройне повышают выделение уровня тестостерона, отсюда и агрессия. Но мы пока что не можем объяснить, как появился изначальный заражённый, а мои коллеги выдвигают гипотезу, что это следствие некоего эксперимента как нового и быстро развивающегося вируса.

– Который вышел из под контроля, – добавил Виктор. – Хотите сказать, что их гнев затмевает все остальные чувства и отсюда бешеная ярость?

– Так и есть.

– Что вы собираетесь делать дальше?

– Нам... нужны ещё заражённые. Желательно живые.

– И как вы это себе представляете?

Учёный лишь развёл руками, выдохнув на свою свисающую на лбу темноватую чёлку.

– Вы свободны. Будем думать.

Научный сотрудник отстранился, уйдя за ширму, а подполковник сообщил:

– Вообще, то что вы услышали лучше никому не говорить. Поняли?

Они закивали, а юноша признался:

– А вы хорошо обосновались...

– И вам троим здесь найдётся место. Но, Вадим, я вижу парень ты здоровый, молодой, так что нам потребуется от тебя помощь.

– Я его мать и хочу знать, что вы имеете в виду.

– Хоть вам здесь и предоставлен приют и безопасность, но запросто так здесь никто не может прохлаждаться. Вы с девочкой можете разместиться на втором этаже; там же есть обустроенная кухня, словом, ближе к женщинам вам будет комфортнее, и заодно вам дадут поручения.

– Мне не нравится ваш тон, – призналась Ксения. – Я не тунеядка и никогда ей не была, всегда готова помочь людям.

– Я верю вам и хочу только сказать, что поддержка всем нам нужна в это беспокойной время. Мы должны держаться и рассчитывать друг на друга. Ну а ты, Вадим...

– А что мой сын? И его впрягут?

– Иначе никак. Ты, юноша, познакомишься со своим ровесником, и для вас найдётся ответственная задача.

– Уж не доставить ли бешеного живьём? – спросил Вадим.

– Именно. Вот, держи...

Подполковник отстегнул пуговицы на форме, ослабил и снял пояс с ножнами, вытащил боевой нож, чьё лезвие было немного длиннее его крупной ладони и чуть изогнутым.

Он передал его юноше ручкой вперёд, сообщив:

– Береги его и применяй только в крайнем случае, когда нет выхода.

– Спасибо! – восторженно выдохнул Вадим, почувствовав всю весомость и надёжность холодного оружия.

– Постойте, – попросила озадаченная мать, – мы только пришли, а вы уже нами распоряжаетесь как хотите?

– Я не потерплю возражений. Вадим пойдёт не один, а с ещё одним пареньком, который был в нескольких ночных вылазках и который очень всем нам помог. Вы здесь под моим началом и только так.

Ксения с жаром выдохнула, закусив губу, хотела было что-то сказать, но сын увёл её чуть в сторону, прошептав:

– Мам, не надо мериться характерами. Мне нравится его твёрдость. Она совсем как у...

– Я понимаю, и это схожесть злит меня воспоминаниями. Так, что, пойдёшь и притащишь бешеного?

– Придётся. Главное верь в меня.

– Я... Я так не могу. Не могу тебя отпустить, зная всё безрассудство и опасность от бешеных... Нет.

– Мам! Мне пора и я хочу закаляться! Того требуют новые перемены, и ты же понимаешь, здесь нет места слабым.

– Я... Да, ты прав. Ладно уж. Разрешаю. Но смотри, почём зря не геройствуй, потому как...

– Герои долго не живут, знаю.

Они вернулись обратно к подполковнику, кивающему Алёне, который посмотрел на юношу и спросил:

– Вопрос решён?

– Решён. Я в деле.

– Хорошо. Алёна, Ксения, займите свободные койки на втором этаже в коридоре. Вадим, за мной.

Юноша, следуя за женщиной, кивнул матери, прошептав, что всё будет хорошо и подмигнул Алёне, которая лучезарно улыбнулась, послав ему воздушный поцелуй.

Жест девочки смутил и озадачил юношу. Он сменился в лице; его тёмные скромной дугой брови нахмурились, а ладони стали липкими, неприятными, и он не знал, как на это отреагировать. Совершенно не понимал, что значит то, что именно он почувствовал.

«Откуда во мне такая злоба?» – подумал он, удаляясь.

Так он и ушёл, не выказав ни единого знака внимания, оставив Алёну в размышлениях с мыслью: «Может, я поторопилась?»

Они дошли до лежанки, на которой вольготно раскинулся юноша лет семнадцати-девятнадцати с высоким лбом, коротко стриженными рыжеватыми волосами, одетый во всё спортивное и тёмное, то и дело небрежно перелистывающий какую-то потрёпанную книгу.

Чуть приподняв прищуренный глаз он сказал:

– Ох, знали бы вы, Виктор Есаулов, как утомительно читать о неактуальном!

– Я привёл к тебе Вадима Дюжина, – отозвался подполковник. – Сегодня выступаете.

– Серьёзно? – тот подскочил на месте, приняв вертикальное положение и дурашливо с поджатыми губами и выпученными глазами отдал честь.

– Семён, давай без шутовства. Или хотя бы оставь это на потом. Внимание: от вас требуется доставить живого бешеного. По возможности не привлекайте лишнего внимания и не лезьте на рожон. Чуть что не так – отступайте. Поняли?

– Да, – задумчиво отозвался Вадим.

– Так точно! – выпалил Сеня, улыбаясь.

– Но почему именно они? – спросил остановившийся прохожий. – Они же юнцы ещё, совсем зелёные.

– Тебя, Иннокентий, это вообще не касается. Иди и ремонтируй генератор. Марш.

– А вправду, почему мы? – поинтересовался рыжеволосый, облокотившись спиной к стене.

– Я не обязан отчитываться.

– Виктор Есаулов, ну пожалуйста, скажите, – попросил Вадим, с надеждой глядя тому в утомлённые глаза.

– Вадим смог провести себя и ещё двух людей через город. И это без последствий и пердряг. В нём видны задатки мужества и настойчивости в своих намерениях, и это ценно. Ну а ты, Семён, прошёл мою проверку, не раз выручал наших и изловчился таскать предметы первой необходимости. Тоже без проволочек. Вы молоды и в вас виден азарт и желание попробовать свои силы. Но послушайте: это будет не простая прогулка в ночи, нет. Вас будут ждать смертельные опасности, и вы можете надеяться только друг на друга. Я и раньше посылал людей в разведку и для прочих нужд наших людей, и не каждый возвращался целым, либо же вообще на своих двоих. Многих людей и след простыл, и вы можете увидеть, – он указал на стену с десятками фотографиями, – сколько людей пожертвовали собой, чтобы мы поняли, как это опасно, противостоять бешеным. Прошу вас лишь об одном: перед тем как сделать следующий шаг, взвесьте всё услышанное и договоритесь между собой о взаимопонимании.

– Так точно, – отозвался Семён, сменившись в лице и нахмурившись.

– Я понял, – ответил Вадим, кивнув.

– Ну, знакомьтесь, и за дело.

Подполковник еле видно улыбнулся им, хотел было пожелать удачи но к нему обратились двое возрастных мужчин с рапортом.

Семён, протянув руку вперёд, сказал:

– Ну, здорово. О-о-о, крепко жмёшь. Но смотри, как ни крути и что не говори, а этой ночью я за главного. По твоим глазам вижу, что эта новость тебе не по душе, но ничего не поделаешь. Конечно, мы можем...

– Помериться силами, – добавил Вадим.

– Но мы оба понимаем, что на это нет времени, да и толку от этого немного. Ну, в самом деле, кому руководить, как не мне? Я не раз выходил в ночь и до сих пор цел. К моим советам прислушиваются, мне хорошо известны повадки бешеных.

– Я так посмотрю, ты любишь о себе поговорить.

– А кто не любит? Вадим, мы почти что одного возраста, и я понимаю твою тревогу, которая прячутся за твоими глазами.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Кое-что знаю. Я подслушал всё то, что вам говорил подполковник, и знаю тебя лучше, чем ты меня. Вот скажи, что вообще происходит?

– Где? В мире? В умах человеческих? Вокруг?

– В Сибири, откуда всё началось.

Вадим вздохнул:

– Я вообще не понимаю, куда мы катимся, во что превращаемся и куда закатываемся.

– О-о-о, да тут отдаёт душком пессимизма. Но посмотри на меня: я был бит, загнан, запуган, голодал, и всё же нашёл в себе силы притащиться сюда и зажечь новой жизнью. И знаешь, что? Здесь хорошо перекаптоваться и отвлечься от реалий, но надо идти дальше. Мы заслуживаем большего.

– Кто это, «мы»?

– Люди. Все мы, кто так или иначе пострадал от бешеных. Каждый что-то потерял, другому и быть не может. На каждом есть нестираемый отпечаток скорби. Кто-то лишился родного дома, и больше не может туда вернуться, иные накопленного имущества, близкого человека, любви. А кто-то так и вовсе насмотрелся всякого гадкого и заблудился, не зная, как жить дальше и где найти опору.

– Ты, что, много читаешь?

– А как ещё коротать днём время? Моя задача – это работа в ночи, когда активность бешеных минимальна. Таскаю всякое, прибываю по-всякому за лишнюю консерву. Знал бы ты, на что я шёл, только бы дали поесть...

– Ну, глупым ты точно не выглядишь. Но честно сказать, мне не нравится твоя дерзость и высокомерие. Не знаю, долго ли вытерплю. Из-за чего ты такой?

– Излишества характера, – подмигнул Сеня, указывая на бардовую и общеизвестную книгу Булгакова. – Я вижу у тебя нож, и он мне знаком. Отчего такая милость, почему подполковник тебе его одолжил?

– Одолжил? Бери выше – подарил!

Семён закусил губу и защёлкал пальцами. Он как бы мимолётом и искоса глянул на Вадима, прошептав:

– Ну, это... Дашь поддержать?

– Держи, но верни.

– Да, нож достойный. И... О, с секретом. И надпись мудрёная. Латинский что ли? Непонятно.

– Семён, а фамилия у тебя есть?

– Бугай! – осклабился тот, и в его глазах блеснул азарт. – Ну, что, как говорится, выступаем?

– За дело. Правда, я не соображаю, как мы это провернём.

– А всё просто, нам только пригодится, – он с треском разорвал грязно-серую майку на несколько длинных полос, – вот это. И дело в шляпе.

– Что-то я ничего не понимаю. Как это поможет?

– Увидишь. Главное держись поближе и по большей части не шуми.

– Я знаю особенности бешеных. Но если на нас накинута, нам бы не помешал огнестрел, чтобы отбиться.

– Так только хуже будет. Ещё большая орда сбежится к нам и в пух и прах растерзает. Лично я предпочитаю совсем не выдавать своего присутствия. И пока что это удавалось. А вот фонарики...

– У меня есть.

– И у меня. Что ж, Вадим Дюжин, и пусть удача нам улыбнётся.

Двое незнакомых, но бойких юнца, отыскав в себе мужество, несвойственное раннему возрасту, этой ночью выйдя из убежища возгордились: лидер выживших рассчитывает на них, и они понимали всю ответственность, возложенную на них. Каждый из них понимал – у них нет права на ошибку.

3

Некто в темноте.

Вадим Дюжин смело ступил в ночную авантюру, задумавшись: «Вступил или вляпался?» Этот юноша полагал, что в эти смутные времена человечность в людях могла начать изживаться из-за трещины от эпидемии, пошатнувшей Сибирь. Было очевидно, что выжившие более не цари Земли и не высшие организмы, потому как их заменили заражённые бешеные, которых

обуревала нестерпимая ярость, толкавшая на агрессию и желание поживиться тем, чем они сами были не столь давно.

– Что ты палишься на Луну как полоумный? – спросил Семён, ждущий его под редкими деревьями, так замечательно отбрасывающими тени. – Ещё повой на неё. Пошли.

– Да иду я, – отмахнулся Вадим, тряхнув головой. – Так, задумался.

– А вот сейчас бы самое время отбросить все сомнения, – посоветовал тот, кивая. – Нож не посеял?

Юноша хлопнул себя по бедру, и, почувствовав твёрдость стали в коже, облегчённо выдохнул:

– Он при мне. Как действовать будем?

– Нам надо, чтобы один из бешеных отстал от группки заражённых.

– Прекрасно. И как это сделать? – двояко улыбнулся Вадим.

– Ума не приложу.

– Хочешь сказать, у нас есть цель, но нет плана, и мы идём к противнику не зная как действовать?

– Да, как-то глупо вышло. Но, я думаю, на месте разберёмся.

Семён Бугай и Вадим Дюжин отошли от школы на достаточное расстояние; четырёхэтажное бело-морковное здание, где обжились выжившие красноярцы, имеющие разные обязанности и соблюдающие порядок под строгим руководством подполковника, скрылось за пышными кронами ясеней.

Сейчас, продвигаясь по сумеречным дворам, то и дело замирая и оглядываясь на утробные лаи и грызни собак, Вадим отчего-то вспомнил, как любил набирать семена вертолётников, засушивать их, а по осени по одному скидывать с балкона, мечтательно любуясь полёту чудных семян с мизинец, нескончаемо делающих оборот как ротор.

Он вздохнул, с сожалением признавая, что и бумажные самолётики больше не пустит по воздуху, и что безмятежности и томительному легкомыслию пришёл конец, и уже никогда не вернуть тех впечатлений и переживаний; но воспоминания всегда будут греть и подбадривать его, помнящего многолюдный и вечно занятой мир до эпидемии.

– Так, ага, стоп, – прошептал Сеня, присев у громоздкого щитка энергоснабжения. – Видишь во-о-о-н там, чуть шевелятся?

– Да, это бешеные греются у горячей машины, – еле слышно отозвался Вадим, на всякий случай проверив наличие ножа.

– Может, это, попробуем повить, подражая им?

– А вдруг они все к нам повалят, сломя голову?

– Ну да, не подумал. Ты что-нибудь понимаешь в электричестве?

– Совсем немного, – горько усмехнулся Вадим. – Знаю только, что лучше не лезть туда, в чём не разбираешься. А то вдруг ещё зашибёт и приехали.

– Это да. Хм, и что делать?

– Давай чуть посидим, пусть глаза привыкнут к темноте. Надо подумать.

С две-три минуты они вслушивались в гудящую и зловещую тишину, особенно страшась ненароком чихнуть и привлечь внимание. Нет, думал Вадим, убежать они будут в силах, – но как во время погони оторваться, и куда податься, чтобы спастись?

– А что тут думать... – проронил Семён, взяв с земли камень.

– Нет, стой...

Но призыв остановиться не подействовал. Сеня зачем-то хорошенько замахнулся и метнул камень, попав в одного из бешеных.

Заражённый, забрыкавшись, выбрался из мира грёз с болезненным еле слышным утробным рычанием, принявшись трогать ушибленный затылок.

Вадим сказал:

– Ну, и что дальше?

Сеня лишь подмигнул, расстегнув на под курткой кожаную сумку. Вадим в сгустившихся сумерках мало что разглядел, но он остро ощутил соблазнительный привкус паприки и еле уловимый дымный аромат.

– Мясо? – прошептал тот, облизнувшись.

– Завяленное. Эх, жалко, правда. Буквально от сердца отрываю.

Юноша оторвал скромный кусок, хорошенько замахнулся и кинул его в нескольких метрах от очнувшегося заражённого. В первое время тот лишь настороженно оглядывался, нервно почёсываясь и то и дело поглядывал в их сторону, словно бы что-то различая в непроницаемой тьме.

Но бешеный вдруг резко приподнял голову, зарычал и, внюхиваясь в воздух как пёс, согнулся в три погибели и принялся на четвереньках красться к первому куску.

– Ого, – только и промямлил Семён, озадачившись. – А я думал не сработает.

– Я вообще удивлён, что он ещё не побежал на нас. Видел, как он смотрел? А в глазах то какая тоска...

Сеня кинул ещё кусок, затем другой, отдавая заражённого подальше от своих.

На то чтобы затащить бешеного подальше, пришлось потратить большую часть провизии. Да, их давила жаба оттого, что сами они не полакомились и, вполне возможно, зазря потратили пропитание, на котором вполне можно было день-другой продержаться. Но более лучший план как на зло не наклеивался, а время не стояло на месте и ещё немного и начнёт светать.

Тихой поступью они сообща приблизились с двух сторон к заражённому; Вадим резко обхватил морщинистую и безволосую морду заражённого, запихнув в разинутую пасть побольше тряпья. Пойманный начал неистово брыкаться, но тут подоспел Семён, который, словно бы брезгуя и стараясь не хватать заражённого за открытые участки омерзительной и местами сползшей кожи, всё же пересилил себя и захватил того за шею, повалив.

– Ох и чёрт, – прошептал Сеня, – я почувствовал его отпадное дыхание.

– Держи крепче. Сейчас я ему получше рот перевяжу. Ну и дёрганный же попался.

Заражённый был крайне против своего обездвиживания. Своей единственной свободной рукой, про которую забыли, он чуть было не полоснул по лицу Вадима, но он вовремя отклонился назад.

– Давай, ты за руки, я за ноги и понесли, – сказал он, кивнув.

– Постой-постой, ты хорошо его обвязал?

– А что, боишься?

– Учёный сказал, что заразиться можно только если слюна попадёт в кровь. Но вдруг и их ногти опасны?

– Не думай об этом. Они всё равно всего знать не могут. Давай лучше побыстрее его доставим.

Раскорячившийся заражённый неистово отбрыкивался, силился высвободиться и добраться до их открытых участков кожи, поглядывая на юношей полоумно-бездумными глазами, налитыми кровью, в которых читалась недвусмысленная враждебность. Была бы его воля, думал Вадим, он бы огласил всю округу неистовым рёвом, созвав своих сородичей. Но юноша мог на минуту погордиться: он хорошо закрыл рот бешеному. И хоть тот и мычал, но слышно его было лишь вблизи.

– Уф, я взмок, – признался Семён, пытая и неуклюже переставляя ноги.

– Уже? – улыбнулся Вадим.

– Ну да. А ты, что, нет?

– Не буду скрывать, ещё чуть-чуть и я рухну. Тяжёлый, гадина. Ещё и отпихивается.

– Я бы тоже сопротивлялся, если двое неизвестных тащили меня в потёмках куда-то от своих.

– Давай его положим, – предложил Сеня, – я сяду ему на ноги, ты – на руки. Передохнём.

– Поддерживаю. И... положили. Держи, держи! Хорошо. Вот так, и не шипи.

– Будь бы вместо нас кто повзрослее, то, наверное, закурили бы от переизбытка чувств.
– открылся Сеня, смахивая со лба крупницы солёной влаги.

– Да, это бы помогло снять тревогу. Постой, слышишь? – спросил Вадим, наострив слух.

– Не прикалывайся. Не смешно.

– Да нет, я серьёзно. Вслушайся.

Семён, усмехнувшись, перестал копаться по карманам. Он вслушался в оглушающую тишину и чуть не подпрыгнул: где-то там, за кустами и небольшой поляной, где произрастали набирающие силу хилые деревья, послышался отчётливый и сухой треск ветки. Затем к стала различима тяжёлая поступью, сминающая жестяные банки и то, как кто-то взревел, не страшась последствий.

Этот кто-то, думал Вадим, величав и иначе и быть не может. Он вздрогнул оттого, что существо, или, быть может, враждебный человек, пугающий их, с шумом повалил дерево.

В образовавшейся окружности между кронами деревьев выглянул месяц, бледным сиянием подчеркнув крупную и подвижную угрозу, что неотвратимо приближались к ним. Но отчего-то это создание шло тяжело, с перерывами и будто бы хромая на какую-то ногу, отчего временами сквозь зубы шипело.

Юнцы ошарашенно посмотрели друг на друга остеклёнными и расширенными глаза и одновременно выкрикнули:

– Сматываемся!

– Стой! – воскликнул опомнившийся Вадим. – Хватай бешеного, помоги мне!

– Надо валить отсюда! Это что-то вообще нереальное!

– Ну ка быстро помог мне! – прогудел Вадим. – Давай!

– Чёрт! – выкрикнул тот, захватив ноги бешеного, который принялся пуще прежнего извиваться.

И они поспешно принялись перебирать ногами, и усталость, что навалилась на них до этого, улетучилась, а её место занял страх перед неизвестным.

– Вон, – выдохнул Вадим, – Уже кривая дорожка, уже скоро...

В спину Семёна словно бы дышали, и дыхание это было смрадным и тёплым; его пронял озноб от предчувствия, будто его пилили взглядом, желая растерзать.

– Я сейчас рухну... – признался он. – Больше не могу...

– Поднажми! Не жалея себя!

Больших усилий стоило им добрести на одеревеневших ногах до школы, но трудней было подняться на лестницу самим, держа на руках извивающегося бешеного, который так и норовил вырваться и дать дёру. Создавалось впечатление, словно бы и сам заражённый побаивался той угрозы, чьи могучие плечи уже выступали из-за каменных перил перед входом.

Существо обрушило могучий удар по камню, и крошки, взметнувшись, попали на юнцов, выбив из них всю уверенность. К их горлам подступила тревога, и она, быстро скинув обездвиженного бешеного, принялись что есть мочи вопить и молотить ногами по двери школы.

– Быстрее открывайте! – орал Сеня, не смея оглянуться.

– Кто это там? – сонно просипел старик.

– Спиридоныч! – завопил Вадим. – Тебя подполковник огреет, если ты сейчас же нас не выпустишь!

– А! Ща-ща! – откликнулся тот.

– Да быстрее же ты, пень трухлявый!

Тяжёлой поступью величавое существо вступило в пределы школы, неотвратимо высясь над юнцами и отрицательно качая головой. В мертвенном и старящем свете бледной луны, выступившей из-за рвано-грязных облаков стало ясно, что это был заражённый, претерпевший значительные изменения, перевоплотившие его в нечто более громоздкое и грозное, нежели в своих сородичей бешеных, которые, наверняка, его самого побаивались и сторонились.

В самый последний момент, когда руки парней легли на рукояти ножей, они не нашли в себе сил ринуться на противника и так и замерли, не найдя в себе сил перебороть ужас.

Дверь резко отворилась, и стоило ей только истерично скрипнуть, как парни очнулись, резко подхватив бешеного и, не оглядываясь, юркнуть в школу, заорав:

– Закрывайте!

– Да! Скорее!

С минуту они переводили дыхание, умоляя уняться взволнованные сердца. Реакция парней не была замечена бороатыми мужчинами при внушительном вооружении и подполковником, вышедшим из-за их спин.

– Что с вами?

– Там что-то огромное! – выпалил Вадим, с жаром выдохнув. – Отдалённо напоминающее заражённого, но что-то другое. Что-то более опасное.

Семён оживлённо заболтал головой:

– Мне даже кажется, что такого даже пуля не возьмёт.

Мужчины переглянулись, взвели ружья и, выйдя в тишь ночи, через пару минут вернулись, осуждающе посматривая на юнцов.

– Мы правда видели что-то огромное! – твердил своё Вадим. – Оно преследовало нас и что ни попадя крушило на своём пути.

– Но там никого нет, – сказал мужчина с тонкой полосой седых усов. – Сдаётся мне, вы набиваете себе цену. Что, притащили бешеного, и теперь вам все лавры?

– Это, между прочим, было нелегко, – признался Семён, с вызовом поглядев на мужчину. – Идите, сходите и попробуйте привести, если кишка не тонка. Я пожму вам руку и дам книжку, если останетесь целым.

Мужчина, фыркнув, усмехнулся.

– Важно то, – сказал подполковник, – что вы справились. И все мы признательны вам.

– Всего лишь признательны? – удивился Семён. – Это на хлеб не намажешь, как ни старайся.

– Я понимаю, о чём ты, – ответил Виктор Есаулов. – По вам видно, что эта вылазка вам нелегко далась, и потому... Вот.

Подполковник выявил на свет пачку шершавых прямоугольных бумажек. Семён быстро вскочил с места и, приблизившись к мужчине, вырвал свою долю, принявшись приплясывать и полоумно галдеть, хвастаясь перед мужчинами с ружьями.

Вадим не понял, с чего такое ликование. Ему тоже были выданы карточки, и он принялся их рассматривать. То были розоватые бумажки, легко помещающиеся в ладонь с размашисто-неповторимой подписью, «Вик. Есау». И ниже: «Тратьте с умом».

Не долго думая, он сообразил, что это местная валюта, вздохнув:

«Ну, хоть что-то».

– Вадим, это талоны, – подсказал подполковник. – На них ты можешь приобрести дополнительно еду, и, по желанию, что-нибудь из снаряжения. Думаю, в будущем оно тебе вполне может верно послужить.

Парень признательно кивнул, видя, как учёные в бело-серых халатах и охрана в бронежилетах кое-как тащат вопящего бешеного по направлению в спортзал, от которого людей пробирала дрожь до костей, да так, что они сторонились и запрыгивали в обуви на кровати в коридоре, только бы дать пройти и унести это бездумное чудо природы подальше от них.

– Пошли за мной, – Семён хлопнул Вадима по спине. – Ну, смотри, один талон, это две крупные банки тушёнки или четыре рыбных. Но, ясное дело, оно и понятно: рыба – не мясо. Да, на этом особо не разжиреешь, но нам оно и не надо. Главное, как говориться, продержаться.

– Продержаться до чего?

– А чёрт его знает. Все мы чего-то ждём. Вроде эдакого избавления или избавителя, который сделает за нас всю пыльную работу. Ага, а пока мы будем тут отсиживаться и отъедаться, ровно до тех пор, пока всё не кончится. А там уж мы сами завоём похлеще бешеных и выйдем за пропитанием, да только как бы этот выход не был последним, понимаешь?

– Да-да. А что по оружию? Здесь оно есть на обмен?

– Есть тут один хрыч-жмот, Митяй Полумесяц звать. С ним сложно торговаться, можно только угодить. Сахар он любит, понимаешь? До сладкого очень падок. А ещё больше уважает мёд. Но, сам подумай, где тут мёд раздобудешь?

– Задача. И где он обосновался?

– На третьем, там же, где дрыхнут от безделья приближённые полковника. Старпёры и напыщенные индюки, только и делают, что по-умному вздыхают и со всем соглашаются с Виктором Есауловым. Так-с, а вот и моя койка. – кивнул Семён, с жаром выдохнув: – И на ней кто-то лежал!.. Кто посмел, а?! Что прячете глаза?

Юноша окинул пылким взглядом каждого в длинном коридоре, где люди то читали и слушали в наушниках музыку, коротая время, то шептались, совмещая приятное с полезным, а то и вовсе показывая кукиш Семёну, мол, своих не сдадим, кто лежал – не скажем, хоть тресни.

– Ох и бесят же меня они, – промолвил он. – Понимаешь ли, не для всех хватает места, и тем более коек. Но, я вижу ты толковый и...

Пыхтя, Семён вытащил из-под своей кушетки ветхую и местами рваную раскладушку.

– Так, – сказал он, здраво чихнув от сероватых крапинок пыли, – Вадим помогай. Сейчас мы тебя устроим.

– Да не надо! – улыбнулся тот, отрицательно закачав головой.

– Не пререкайся! Будешь ближе ко мне – непременно выживешь. Держи вот так, ага. Раскладываем. Сейчас вот эту кровать уберём в сторону... И, уважаемый Вова, давай-ка без этих взглядов. Иди пили свою грязнулю-подружку, на меня это не работает. Ничего, немножко потеснишься. И ты тоже потеснишься, Петя. И нет, зря ты встал, лучше сядь и не мешай. Я! Сказал! Сядь и не скрипи на меня зубами!.. Молодец. Никто из нас сегодня не хочет быть битым, так?

Вадим усмехнулся, потаённо радуясь инициативе и расторопности Сени, который отпёр свою тумбочку ключом и достал оттуда две банки тушёнки.

– Сегодня мы чуть не погибли, – сказал он. – Можно и разгуляться. Держи.

– Но у тебя же там больше ничего нет, – заметил Вадим.

Сеня кивнул, шепнув:

– На самом деле в здании школы у меня есть парочка хитрых тайников, так что, скажем так, я не пропаду. Вот ложка. Наяривай.

– Благодарю, – юноша с резким шелестом открыл тушёнку, и в его нос проник нежный аромат варёно-консервированного мяса, сдобренного достойными пряностями, щекочущими и поднимающими настроение. Нет, у Вадима не потекли слюни, они скорее полились ручьём и их приходилось сдерживать. И он, не веря в своё счастье, наконец-то за несколько месяцев отведал мужской еды. Он ел не спеша, тщательно пережёвывая и с тоской проглатывал, расставаясь с замечательным ароматом мяса, таящего на языке. А что бело-жёлтый и рыхлый жир? Он и его с удовольствием слопал, да ещё и ещё спасибо сказал. Нет, что не говори, а ничто так не насыщает, как мясо.

После еды Вадим почувствовал прилив бодрости и сил, правда, он совсем не знал, чем себя занять.

Сидя на своей новой койке понял, что у него совсем нет личных вещей. Вадим опустил руку на пояс, со вздохом вынул нож и покрутил увесистую сталь в руке, на тёмной ручке которой было выгравировано: *Audentes fortuna juvat*». Вспомнил, что Сеня говорил про некий секрет холодного оружия, он смог разгадать его тайну. С торца ручки ножа откручивалась тугая стальная крышка, а под ней имелся рабочий компас. На его колени выпали какие-то скромных размеров игло-тюбики и спички, пропитанные воском.

Вадим присвистнул, показал находку Семёну, на что тот ответил:

– Ого. Наверное, это новокаин, или что-то другое обезболивающее. Да уж, дельный нож, нечего и говорить. Эх, чёрная зависть, будь ты неладна.

Вспомнив о более личном, мысли Вадима метнулись к семейным ценностям, а там и до матери дошли, о которой он только сейчас вспомнил.

– Ой, дурак! – воскликнул он.

– Шо такоэ? – спросил Семён с набитым ртом, до сих пор мучавший тушёнку.

– Да у меня тут мама и знакомая есть, а я их совсем о них забыл!

– Не дело. Но тебя не пустят на второй этаж.

– Это почему?

– Ну, тут гуляют предрассудки, мол, мужской половине населения в такие времена только одно нужно от женщин: снять груз и понежиться в титьках.

– Так я же хочу к своим заглянуть, а не к чужим.

– А ты думаешь, тебе поверят?

– Я понял. Но, как мне туда попасть?

– Скорее возможно обратное – к тебе легко смогут прийти. Главное, зацепи какую-нибудь деваху, пусть клюнет и поможет. В самом деле, не орать же тебе на всю школу: «М-М-А-А-А-М-М!!!», правда?

– Да, будет неприлично.

Стоило Вадиму только привстать, как в сторону широкой лестницы как по судьбе засеменила девушка, эдакая, извините, пигалица, но до жути проворная, успевающая на ходу ставить мужчинам, расставившим своим вещи почти что на проходе коридора, запоминающиеся едковатые замечания, оставляя их в недоумении.

Юноша успел поймать её за руку и остановить, на что та лишь дёрнула конечностью, молча топнув ногой, мол, отпусти, я не в духе.

– Привет. Слушай, девочка...

– Девушка! – взвизгнула та, ощерившись.

– Да, пардон, девушка. На втором этаже...

– Нет, глупыш, я не служанка и не девочка на побегушках!

– Там моя мать, – он многозначительно заглянул ей в глаза. – Позови её, пожалуйста, вниз.

– А что мне за это будет?

Ну, подумал Вадим, целовать её, лукаво прячущую глаза и мнущую длинные косы он уж точно не собирается: та краса лишь начала цвести и прыщавиться, и не он будет её избавителем, да и к тому же, как ему казалось, она обладала излишне пылким, если не сказать точнее твердолобым характером, что сразу и на корню отталкивает. Ключнуть на её обаяние он не смог, а значит, придётся задобрить женскую прихоть специфического характера по-другому.

– Если и в будущем ты будешь меня выручать и звать ко мне мать, дам тебе талон.

– А давай два? А лучше три!

– Губу закатай. Соглашайся, либо голодай и мечтай о том, что подрастёшь на тех малых подачках, что получаешь.

– Кусаешься!

– Согласна?

Она пылко фыркнула:

– ...Конечно!

– Как тебя зовут?

– Василиса Никифоровна!

– А я Вадим. Разыщи Ксению Дюжину. Скажи, что я зову. – она начала вприпрыжку удаляться, спрятав талон в укромном месте, – И... Василиса, постой... Извини за лихой поворот. В ночь выходил, всякого навидался. Нервы не отпускают. Да и вообще нет мне прощения за мои грубости.

– Да ладно, я привыкшая. Тоже лишнее ляпнула, а могла бы и просто позвать. Но против себя же не пойдёшь, так? – она подмигнула ему и ушла.

«И что меня дёрнуло огрызнуться?» – подумал он.

Через пару минут пришла мать, не узнавшая сына. Тот не кинулся её обнимать, а задумчиво поглядывал в пол, борясь с какими-то терзаниями. И только тогда, когда она подошла, он опомнился и улыбнулся.

– Мам, привет.

– Привет. Радует, что ты цел и... вроде бы невредим. Но я вижу на твоём лице сонливость. Тебе дали кровать?

– Ну, можно сказать и так. У меня есть какая-никакая своя лежанка. Я выходил в ночь не один, и мы справились с заданием.

Вадим чуть не проговорился, добавив «кое-как справились. Уж чего-чего, а взволновать мать ему меньше всего желалось, зная, как она способна пропилить с как циркулярная пила с головы до ног (и при этом даже без намёка на ругательство, а лишь как бы психическим нажимом и хитро-быстро подобранными словами) за малейшую оплошность.

– Трудно было?

– Да не, там дело на пару минут. Много шуму из ничего. – он откашлялся. – А ты как?

– Устроились. Далеко не по-королевски, но хоть как-то. Ближе к людям надёжнее, и на душе спокойнее. Помнишь возрастных мужчин с оружием, крутящихся возле подполковника?

– Угу. Все как один здоровые, сытые, довольные.

– Это ладно, с них зато спрашивается! Они большие молодцы, правда. Я узнала у женщин, что эти люди отстреливают дичь, и даже иногда приносят туши других зверей разделывать. Занятие не из приятных, и мне было мерзко впервые в жизни ощипывать худющего и мокрого голубя. Но ничего не поделаешь.

– Но шуму-то от стрельбы – ого-го, – заметил Вадим. – Как же они стерегутся бешеных?

– А у них какие-то штуки на этих... дулах.

– М-м-м, понял. Не сообразил. У тебя есть своя кровать?

– Ты же знаешь, я себя в обиду не дам. Меня хотели ущемить стервозные бабки, да только я на них с напором пошла. И Алёне есть где покемарить.

– Позовёшь её?

– Конечно. Вечером-то поговорим?

– Обязательно.

Ксения Дюжина ушла, оставив за сыном некую недосказанность того, что он не открылся ей в том, что пережил с Семёном. Эта осторожная молчаливость и сокрытие терзающих мыслей зацепились за Вадима и пощипывали чувственную совесть. Он понимал, что единственному родному человеку не рассказал о том, как чуть не расстался с жизнью перед чем-то или кем-то гораздо более опасным, нежели заражённый бешеный, перед кем-то, кому не страшная опасность ночи и кто не убоится пошуметь и навлечь на себя врага. Это давало ему покоя и заставляло отрицательно качать головой и сокрушённо вздыхать.

Но так длилось ровно до тех пор, пока не пришла Алёна. Она лучезарно заулыбалась Вадиму, хотела было обнять, а тот, отстранившись, сказал:

– Привет. Я тут был на свежем воздухе и подумал, что ты должна знать, ну... Не нравишься ты мне. И мала ты возрастом, рано тебе ещё вешать на себя сердечные вздохи.

– Но... Ты же спас меня. Вадим, послушай, я... мне не легко это говорить, но я чувствую к тебе тягу. Очень сильную. У меня аж сердце сжимается. Вот тебя не было сейчас около пяти часов или больше, а я как последняя дура только о тебе и думала, и пару раз один и тот же палец себе порезала, вспоминая твою улыбку. Она у тебя замечательная. И лицо у тебя доброе... Вадим, не надо так, пожалуйста...

Парень не хотел этого признавать, но он увидел крупницы слезы под ресницей девочки, смотревшей на него с той же надеждой, как тогда в роковой момент в чужой квартире.

– Не делай мне больно, прошу тебя. Не надо. Пожалуйста.

Вадим, твёрдо сжав зубы, безмолвствовал, не найдя в себе силы дать выход словам. Он кое-как взял себя в руки, которые отчего-то тряслись и взмокли, и уже набрал было воздуха для ответа, но девочка сказала:

– Только о тебе думала. Больше ни о ком. Да и нет у меня совершенно никого. И когда мы шли сюда тоже только на тебя смотрела. Мне больше никто не нужен. Вообще никто и никогда. Я в этом уверена, очень-очень. Я никогда не была так ни в чём уверена.

Парень, вздохнув, отрицательно покачал головой и через силу выдавил:

– Нет. Я против. Не могу так.

Ком отчаяния подступил к горлу Алёны. Тяжело дыша, перед её взором стало темнеть и она по-другому посмотрела на юношу. До неё дошло: он отверг её чистые и цветущие чувства. И ей, возможно, не хватит сил оправиться после этого.

Буквально задыхаясь от невероятно разросшейся досады, она ощутила на своих щеках холодные струйки горьковатых слёзы.

«Как он мог?» – думала она, пытаясь унять дрожь колен.

Девочка, приблизившись к парню, резким движением схватила за ручку ножа, изъела его из ножен и как могла с силой ударила того в брюшную полость, оттолкнув от себя.

Почувствовав на руках тёплую и липкую кровь, она опомнилась и словно бы только сейчас пришла в себя.

– О нет... – только и промолвила она, отступая назад.

Но Алёна наткнулась на другого паренька, который ошарашенно глядел на Вадима, безмолвно зажимавшего рану.

Она до конца не поняла, что сделала, не сознавала всю скверность поступка и того, что человек ударил человека, и не в отместку за что-то крайнее, а за отказ в осуществлении первой любви, за отказ признания значимости чувств другого. И, что более жестоко, за отвергнутое доверие.

Правда, думала она, когда сбегала со школы и не обращая внимание на призыв остановиться, парень был непростительно упрям и поначалу ей казалось, что она в чём-то поступила верно, что это будет ему уроком. Вот только уже потом она с ужасом сообразила, когда отпихнула клевавшего носом сторожа Спиридона и выбежала на улицу, что своим действием не только смертельно ранила его, но и, возможно, даже убила.

Сейчас, не давая ногам покоя, она и сама не знала, куда бежала.

Над её головой нависло пепельное небо, в рваных прорезях которого редкие алмазы звёзд маняще блестели. Но девочке, завернувшей в замеченный до этого дворик, было не до этого.

Небосвод опечалился, вторя настроению девочки.

Она заставили себя добрести на изнурённых ногах под навес подъезда, скрывшись под дождём. Более не сдерживая себя и понимая, что нет никаких сил терпеть бьющую в голову тревогу, она навзрыд заплакала, проклиная весь этот свет и особенно Вадима Дюжина.

– П-п-очем-м-у? – молвила она дрожащей челюстью.

В неё одну задувал свистящий ветер, холодя тело и пробирая до костей. Казалось, само мироздание и все люди на свете отвернулись от неё.

– ЗА ЧТО?! – выкрикнула она, стиснув зубы.

Но девочка, терзаемая своими мрачными думами, совсем позабыла о благоразумии. Она не подозревала, что сзади неё, из подъезда, кралось нечто серое и морщинистое, да и к тому же сгорбившееся, ступающее на руки и ноги тихой и осмотрительной поступью.

Приблизившись к Алёне, подмяв её под себя, бешеный неистово завопил:

– А-В-В-У-У-АР-Р-Р!!!

И словно бы все чувства девочки вмиг обострились, встали на её сторону, оберегая. Неизвестно откуда объявилась сила, моментально перевоплотившаяся из ужаса в гнев, и она, пнув заражённого в промежность, дала лихого маху куда глаза глядят.

4

Взаимоотношения.

За окном школы весело щебетали птицы, а на втором этаже, в одном из классов, женщины занимались приготовлением пищи. Временами им приносили добычу, за которую они тут же принимались, разделявая и варя. Желанная пища получалась сытной, а с голоду так и вовсе вкусной, не смотря на отсутствие специй и приправ.

«С животом не поспоришь, – думала Ксения, разделявая курицу, – против него не попрёшь».

Этим утром охотники, а точнее добытчики (они никогда не приходили с пустыми руками), отправились загород и принесли женщинам белоснежных несушек, некоторых из них тут же пустили на мясо, а остальным же предусмотрительно соорудили подобие насестов. Правда, теперь задачей мужчин было раздобыть корм птицам, но Ксения верила, что они уж и с этим как-нибудь ухитрятся справиться.

– Тёплая яичница... – промолвила она, пытаясь прогнать соблазнительную картину скворчащих яиц. – С мясистыми помидорами и свежим зелёным лучком...

– М-м-м, понимаю, о чём ты, – пробормотала рядом стоящая бабка Виктория в красноватом платке поверх головы, – А если бы ещё с хлебом да маслом.

– И на сале! – воскликнула какая-то длинно-темноволосая женщина. – И с перчиком!

Женщины, не сдержавшись, охнули, отрицательно качая головой, сглатывая подступившую слюну и облизываясь с улыбками.

На долю мгновение им удалось отвлечься от поварской рутины и даже посмеяться над своим положением, над тем, что они не могут выйти погулять в родной Красноярск, что им приходится дышать спёртым воздухом и не бывать на живительном солнце. Они уж и позабыли, каково это, нежиться телом от касания светила. Их глаза уж давно не видели яркого света, и из их памяти мало-помалу стали улетучиваться прелести свободной жизни.

«Погулять... – вспомнила приятное слово Ксения. – Ага, размечталась».

Женщина оглянула бывший школьный класс с тоской. На партах громоздились допотопные примусы и горелки, имелись и спиральные плиты и громоздящиеся на них тёмные кастрюли с варевом, и сковородками со вмятинами, в которых что-то дымилось.

– Дымится! – выкрикнула отвлѣкшаяся женщина, быстро сняв с огня приспособление.

– У тебя так и сковорода пригорит! – огрызнулась Виктория. – Не летай в облаках!

– Вы посмотрите, пригорело! – остервенело отозвалась другая белобрысая женщина. – Негодная, еду загубила!

– Вот пускай сама теперь и ест, – подытожила самая возрастная из шайки.

– А точно, точно!

– Будет ей уроком!

– И съем, – надавила Ксения. – И носом не поведу. А вы не рубите с плеча, будто сами в жизни ошибок не делали. Дуры.

Женщины, не ожидавшие отпора и притихнув, отошли подобру-поздорову.

В класс вошёл мужчина в форме и с погонами и двумя звѣздочками, на лице которого читалась обеспокоенность. Как по команде, девушки натянули глуповато-невинные улыбки, женщины поправили причѣски, старухи перестали болезненно и будто бы умышленно кашлять, словом, как могли на скорою руку прихорошились не перед абы кем, а перед подполковником. Он, заглядывая каждой из них в глаза, сказал:

– Стучилась неприязнь. Где Ксения?

– Тута она, уважаемый.

– Вот она! – указала низкорослая девушка.

– Виктор Есаулов, да вот же она стоит, – промямлила старуха.

– Я здесь, что такое?

– Ваш сын ранен. Пройдёмте за мной.

– Что?! Вы так шутить вздумали?.. – глаза Ксении полезли на лоб, и она обожгла палец, прошипев: – Чёрт!

– Я похож на клоуна? – мужчина посуровел, да так, что она не выдержала силу его взгляда.

– Извините. Бегу.

Спустившись на первый этаж, Ксения чуть было не поскользнулась на чём-то тёмном, на что не обратила внимание и что уже принялись соскабливать мокрыми тряпками.

Когда женщина и полковник дошли до койки Вадима Дюжина, мать поднесла ко рту руку и её пронял морозящий озноб. Она увидела, что сын был без верхней одежды и что его уже перевязали. Белоснежные бинты успели обагриться, а ноги матери подкосились, и она, чуть не упав, кое-как присела на кровать и промолвила:

– Воды... Пожалуйста...

Ей принесли воды, и она, жадно отпив до капельки, протяжённо выдохнула, устремив пылкий взгляд на подполковника.

Для мужчины были понятны чувства женщины, и он нашёлся что сказать:

– Ему поставили противостолбняковую сыворотку и как могли зашили рану.

– Ранение глубокое, – сказал человек в белом халате. – Но он потерял немного крови, и потому как молод должен быстро выкарабкаться.

Ксения признательно закивала, в уме соображая, что такая сыворотка в нынешние времена, наверное, на вес золота.

– А кто его так и за что? – спросила она, смахнув крупинцы слез под ресницами.

– Да девка это была, какая-то из шустрых! – затараторил кусающий губы юноша. – Он с ней малёха поболтал, а она и хватить его за нож, и вдарила! Я тогда прям вообще, (половина непечатного слова)... афи... очумел. Да к тому же она ещё и оттолкнула его от себя, словно бы с ненавистью, и концы в воду.

– Девка? – повторила Ксения, предчувствуя нехорошее. – А ты сам-то кем будешь?

– А мы с Вадимом вместе в ночь ходили. И весьма удачно. Я Семён Бугай. – подмигнул он.

– А она случайно не была в сером платье и с косичками?

– М-м-м, вроде бы да.

Ксения, смотря на сына, на лбу которого образовались испарины, почувствовала невероятно-щемящую боль в сердце и большую досаду. Сейчас Вадиму нужен покой. А она же никогда не простит себе опрометчивого поступка и... ни в жизни не довериться другому человеку.

«Как она могла? – мычала она себе под нос. – Что вообще на неё нашло?»

– Никак обезумела, – сказал кто-то. – Нельзя так, бить и ранить своих.

– Думаешь, лучше всех всё знаешь? – спросила Василиса.

«Нет, – думала Ксения, – наверное это какая-то ошибка. И вообще всё это сон. Не могла Алёна, ну никак не могла ударить ножом Вадима. У неё глаза светлые, не злые. Она не могла.

– Мам... – промолвил сын поморщившись.

Ксения шмыгнула носом и, склонившись над ухом раненого услышала:

– Алёна не виновата. Я виноват.

Глядя его по щеке, то и дело вытирая свои слёзы и сдерживая внутреннюю муку, мать спросила:

– Но что же произошло?

– Нелепость, – только и ответил он, сомкнув глаза.

Мать пронял озноб ужаса, а человек в белом, прислушавшись к его мерно вздымающейся и опускающейся груди, обнадѣжил:

– Уснул. Дайте ему отдохнуть. Разойдитесь.

Люди нехотя расступились (как-никак хоть какое-то зрелище), шепчась и качая головами.

Семѐн, кивнув Ксении, позвал в сторонку.

Матери потерпевшего изначально не понравился простоватый, и, будем честны, блатноватый говор паренька, словно бы он застрял в девяностых, или же излишне покрутился в подворотнях, набравшись оттуда чего ни попадя, что особенно врезается в слух.

– Чѐ, сынок ваш? Ну оно и видно, оба красивые. Так чѐ, это, мстить будем?

– Что? – Ксения ошарашенно оглядела его.

– Ну там зуб за зуб, знаете такое?

– Мы совсем не знаем, что произошло.

– А что тут непонятного? Девке чё-та не понравилось, она борзнула, пырнула его и дала маху. Теперь поминай как звали. Нельзя это оставлять безнаказанным, понимаете? Ксения, да? Красивое имя, однако.

– Так, успокойся. Вот дождёмся, когда Вадим очнётся, тогда и узнаем, что к чему.

– И тогда...

– И тогда решим, как поступить.

– Ну лады. Если чё там – зовите.

Семён оживлённо закивал, подмигнул и удалился на свою раскладушку, рядом с которой находился еле слышно болезненно мычащий Вадим. Увы, хоть парень и хотел почитать и скоротать время, да что-то сверлом пилило его, что-то не давало покоя и мешало уйти в книгу, скрывшись от реалий. То ли люди, сновавшие в коридоре были тому причиной, а может их неумолкаемые ропоты и какие-то двусмысленно-брошенные взгляды на него, но перевести дух ему не удалось.

– Да что ж такое-то, – промолвил он.

Не находящий себе место парень убрал часть своих вещей с подоконника, залез на него и, чуть оттянув в сторону ткань, не дающую рассмотреть что происходит в здании, разочарованно вздохнул.

«Такой вечер, такая погода, а полковник никуда не назначил», – думал он, отрицательно качая головой.

Рядом с ним послышалось более различимое мычание. Сеня вскочил с подоконника, перепрыгнул через него в проход коридора и, склонившись над Вадимом, спросил:

– Чё, как ты, болезненный?

Раненый, прокашлявшись, прошептал:

– Вообще. Боль. Во всём теле. И в черепе. И в животе. Дай воды.

– Да по тебе и видно, что ты еле держишься. Держи. Да не торопись ты пить, не отниму!

– Где мой нож?

– Как девка тебя ударила, так сразу и с эдакой противной миной откинул его. Ну а я не из гордых и подобрал.

– Верни.

– Так чё, тебя боль распирает? А может опробуем новокаин?

– А вдруг он пропал?

– Ну хуже всё равно не должно быть... Так, крышечку долой. Угу, иголки имеется. Дай-ка руку.

Вадим повиновался. Он дышал через силу, и свободной рукой уже в который раз смахнул испарину со лба. И вдруг почувствовал укус комара, и то, как по телу пробежался лихой холодок.

Прошло минут десять. Семён без конца тараторил, воздвигал теории о том, почему девушка пырнула парня, а сам же он молчал, не подавая виду, что боль начала отступать.

Мимо проходил подполковник. Он пару раз бросил заинтересованный взгляд на парней, что-то промышчал себе под нос и возгласил, хлопая в ладоши:

– О-о-тб-о-ой! Ничего не знаю и слышать не хочу. Отбой!

Люди разочарованно повздыхали. Кто-то отправился на второй и третий этаж, иные вернулись на свои койки в коридоре, третьи же пожаловали в спортзал; им предстояла бессонная ночь трудов.

Откинувшийся Семён прекрасно знал, выживший вещатель Никанор и близкий друг подполковника радист Игорь без передыху трудились, пытались наладить контакты с выжившими и ухватиться за лучик надежды, где и недолго рукой подать до помощи. Научные сотрудники тоже дурака не валяли: они проводили опыты над бешеными, которые со стороны могли сойти за крайности и нечто уж совсем нетипичное даже со стороны своих менее неосведомлённых с вирусом коллег.

Вадим же, не смыкая глаз, смотрел в кирпичную стену школьного коридора, в кладке которой чернели углублённые отверстия от пуль. Он попытался просунуть туда мизинец и не смог: тот был больше.

Слыша лишь безмолвие и воющую в уши тишину, он нашёл в себе силы тихо приподняться. К счастью боль наполовину отступила, но вот ненастная слабость не пропала. Его раскладушка не издала ни единого звука, когда он поднялся с неё, стараясь ступать тихой, как бы вороватой поступью.

Юноша прошмыгнул мимо сопящих мужчин и более взрослых парней, нежели он сам, проверил наличие ножа и добрёл до прихожей, по правую сторону которой расположилась зарешечённая с одной стороны раздевалка. Старик Спиридон посапывал, свистя то ли через отсутствующие зубы, то ли через губы, мёртвой хваткой вцепившись в автомат «Калашникова», держа указательный палец на спусковом крючке.

«Ох, только бы тебе не приснился кошмар», – подумал Вадим, поднял скрипнувшую затворку и замер.

Омерзительный и непростительный скрежет так и остался в его ушах, как отголосок огромной ошибки. Но то ли Спиридон крепко спал, окунувшись в иные миры, то ли удача смилостивилась и была на стороне парня, и всё же никто не выдвинулся в его сторону.

Этой ночью Вадим вышел из здания школы на улицу один, полностью полагаясь на себя. Его слабостью клонило ко сну, чему он старался противиться, приблизительно припоминая, куда Алёна могла заглянуть.

– Я помню, ты задержалась у одного двора... Я иду.

5

Алёна.

Ни одно мирское животное, какое бы крупное, проворное и голодное оно не было, ну никак не может похвастаться той воспитанной в себе целеустремлённостью, какой вправе гордиться большинство из нас, людей. Мы жертвуем своим здоровьем, мы ставим на карту последнее, мы бросаемся из крайности в крайность и после погони за устремлением приободряемся тогда, когда добиваемся своего через невероятные, а порой и умопомрачительные трудности. Это и значит быть человеком, то есть вопреки всему добиваться своего.

Вадим Дюжин одеревенелыми ногами пробирался сквозь чёрные и колючие кустарники во дворе около центра Красноярска, на себе чувствовал всю опасность ночи и с горечью понимал свой безрассудный поступок. Он покинул обжитое убежище, где было тепло, где у него было своё место, еда, дружная компания и защита от бешеных. Что на него нашло? Зачем доверять настойчивому голосу разума, если он твердит послушаться инстинкта самосохранения? И ради чего?

«Ради неё», – думал он, перебарывая себя и ступая дальше.

Зайдя в другой двор, припомнил, что около него Алёна задержалась, пустив долгий взгляд на детскую площадку, чьи тёмные силуэты лишь отпугивали, так как парень знал, что заражённые могли притаиться где угодно.

Чтобы не попасться, а то и хуже наступить на сонного бешеного в этих потёмках, он после каждых трёх шагов останавливался и прислушивался. Сейчас он находился далеко не в лучшей своей форме и потому не имел возможности спастись бегством если начнётся заварушка. Но при себе он имел фонарик, который можно было направить на неприятеля, ослепив и пустив в ход боевой нож.

И всё же он надеялся, что до этого не дойдёт.

Вадиму Дюжину не стоило больших усилий обогнуть скромных размеров ларёк, потом неприметные гаражи, позади которых слышалось утробное рычание. Должно быть, думал Вадим, то были собаки, и что-то ему подсказывало, что инфекция могла и на них повлиять не лучшим образом.

В этом дворе со множеством крашенных цветастых скамеек, на которых никто не сидел и не сплетничал, в центре громоздился серебристый и зарешеченный газовый комплекс, вокруг него высились три отталкивающего серенькие хрущёвки. Ни в одном из домов не горел свет,

и во дворе не было слышно ничего, за исключением еле слышного щебета птиц и подвывания бешеных, рыскающих во тьме и натыкались друг на друга.

Притаившемуся у иномарки парню удалось разглядеть невероятное: одного из проворного бешеного так измучил голод, что он ухитрился не просто залезть на дерево, а в несколько заскоков забраться на ветку и в последний миг поймать птицу, когда та уже поднялась в воздух. Это была жуткая картина. Заражённый сразу же свернул голову птице, грубыми движениями принялся не ощипывать, а вырывать перья, а после же с жадностью накинул на добычу, громко чавкая.

Парень вздрогнул, перевёл дыхание и ему удалось крадучись осмотреть первый подъезд ближайшего дома, за тем и другие. В первом доме он не нашёл ни единой души, во втором наткнулся на бешеного, но тот был спиной к нему и парню удалось незаметно попятиться и скрыться.

– Вадим? – послышался знакомый шёпот.

Парень обернулся, увидел под картоном от телевизора вжавшуюся в угол подъезда девочку, чьи зубы отбивали дробь.

– Ох, это и вправду ты... Я... поступила ужасно, да. Не знаю, что на меня нашло. Мне нет прощения.

– Почему?

– Не знаю... Наверное, злость взяла верх, а я слаба. И... ничтожна, потому что ударила исподтишка.

Он присел рядом, сказав:

– Я мог погибнуть.

– Знаю, и понимаю. Меня грызёт совесть и мне кажется, что теперь моя жизнь больше никогда не будет прежней.

Вадим помолчал, терзаясь противоречиями, а Алёна нашлась:

– Прости меня ради Бога. Пожалуйста. Молю тебя, пожалуйста. Одна я не выживу. Чувствую, что мне нет места в этом мире. Я не знаю, куда идти и где найти приют, не говоря уже о еде и спасения от бешеных.

– Они встормошились.

– Я от них кое-как спаслась, накрылась и вот, уже очень долго здесь лежу.

– Назад будет сложно отступить.

– Назад? – промолвила она, закусив губу. – Но мне там нет места. Теперь люди от меня могут ожидать чего угодно. Наверное только плохого.

– Любой человек заслуживает второго шанса.

– Ты меня прощаешь?

Он кивнул:

– Да. Но я не знаю, как остальные будут к тебе относиться. Я тебя не люблю, нет. Но чувствую и вижу, что твоя жизнь сейчас зависит только от меня.

– Тебе больно?

– Это не важно. Бежать я не могу, и нам придётся держаться тьмы. Не знаю, сколько осталось до рассвета, так что, давай, вставай и пошли.

Парень протянул девочку руку, и та уже во второй раз приняла её и понадеялась на него.

На пути обратно, вслушиваясь в ночную тишь и еле различимое щебетанье птенцов стрижей, что жили в щелях под балконами высящихся зданий, они прошли незамеченными. Но это было ровно до тех пор, пока не прекратилось действие новокаина.

Вадим Дюжин чувствовал, что по его лбу на брови скатываются крупницы пота, и пилящая боль в животе всё нарастала, и он, мыча, понимал, что каждый шаг даётся ему с большим трудом.

– Нет, стоп, – промолвил он, неуклюже сев на землю.

Девочка, закусив губу, присела рядом с ним, вопросительно посмотрев в глаза.

– Сейчас, отвинчу от ножа... Вот. Обезболивающее. У меня руки трясутся, давай ты.

– Но я никак не могу... сделать тебе больно второй раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.